

Ань Сяньюй надула губы:

— Я говорила матушке, но она не слушает. Вот и приходится вышивать побольше.

На самом деле она не любила вышивать: рукоделию она предпочла бы чтение книг. Но матушка вечно твердила, что девушке стыдно не уметь шить — в семье мужа за это будут презирать. Приходилось подчиняться.

— Тогда спасибо за старания, сестрица, — улыбнулся Ань Чанцин. — Позавчера из ювелирной лавки привезли новые украшения. Чуть позже я попрошу Ань Фу принести их тебе. Выберите с матушкой то, что понравится.

Ань Сяньюй тут же повеселела, сунула ему в руки мешочек для благовоний и радостно воскликнула:

— Тогда я пойду!

Глядя ей в след, Ань Чанцин невольно улыбнулся. Он поднял взгляд к ясному синему небу и всем сердцем почувствовал: всё действительно меняется к лучшему.

Держа в руках два мешочка, Ань Чанцин отправился искать Сяо Чжигэ.

Когда он пришел, Сяо Чжигэ тренировался во дворе. Ань Чанцин не стал его отвлекать и лишь с улыбкой наблюдал со стороны. Сяо Чжигэ слышал его шаги еще издалека, поэтому, закончив связку движений, сразу подошел к нему:

— Закончил с делами?

Ань Чанцин со смехом потянул его в дом и по дороге рассказал о балагане возле женского монастыря, а в конце со злорадством добавил:

— Завтра нас ждет отличное представление.

Сяо Чжигэ на мгновение задумался и произнес:

— Этого мало.

Ань Чанцин не понял:

— Чего мало?

— Накала, — подробно пояснил Сяо Чжигэ. — Ссора дяди и племянника из-за ревности — лишь грязный скандал. Он не сможет пошатнуть поместье маркиза Чжунъюна.

Он достал заранее приготовленное письмо и протянул его Ань Чанцину:

— Тебе нужно научиться разить врага его же оружием, чужими руками.

Ань Чанцин взял конверт и вскрыл его. Внутри лежал перечень всех злодеяний поместья маркиза Чжунъюна. Вглядевшись в конец письма, он увидел, что там не указаны ни имя отправителя, ни имя адресата.

— Как использовать это письмо?

— У маркиза Чжунъюна была первая законная жена, законнорожденная вторая дочь юйши-чжунчэна. Спустя три года после свадьбы эта госпожа скончалась от болезни.

— А какая между ними связь? — предположил Ань Чанцин. — Первая супруга маркиза умерла не своей смертью?

Сяо Чжигэ мягко посмотрел на него:

— После кончины той госпожи юйши-чжунчэн порвал все связи с поместьем маркиза Чжунъюна. К сегодняшнему дню тот юйши-чжунчэн дослужился до поста юйши-дафу.

В этих словах крокулось слишком много намеков. Ань Чанцин на некоторое время задумался:

— Ты имеешь в виду... передать это письмо юйши-дафу и его руками нанести удар по поместью маркиза Чжунъюна?

Юйши-дафу входит в число трех высших сановников государства и отвечает за надзор за всеми чиновниками. Если он выступит с докладом и дело дойдет до императора, то вокруг поместья маркиза Чжунъюна разразится нешуточный скандал. А если ниточка потянет за собой целый клубок и выплывут давние грехи... маркизу Чжунъюну мало не покажется.

Чем больше Ань Чанцин размышлял об этом, тем сильнее загорался: в его глазах вспыхнули азартные искры.

— Отправим завтра, — Сяо Чжигэ забрал у него письмо, достал из рукава сверток из промасленной бумаги и вложил ему в ладонь. — Награда.

Ань Чанцин с удивлением развернул бумагу и увидел внутри аккуратные, полупрозрачные кедровые конфеты.

От автора:

#Конфеты, которые наконец-то удалось подарить#

Сон-сон: Но-но такой умница, награжу его мешочком кедровых конфет (тихо радуется про себя).

Кедровые конфеты с карамельно-янтарной корочкой и измельченными орешками внутри источали сладкий аромат с нотками жженого сахара. Ань Чанцин взял одну конфету и отправил в рот. На языке разлилась нежная сладость с ореховым вкусом — приторно вовсе не было. Он чуть прищурился и сказал:

— Какая сладость.

Сяо Чжигэ пристально смотрел на него, и лишь услышав это «какая сладость», его насупленные брови медленно разгладились. Заметив его нерывающийся взгляд, Ань Чанцин достал еще одну конфету, поднес к его губам и с улыбкой повторил:

— Награда.

Посмотрев на протянутую конфету, Сяо Чжигэ лишь на мгновение заколебался, а затем приоткрыл рот и забрал угощение. Сладкий аромат растаял во рту, но Сяо Чжигэ ощутил лишь мимолетную сладость, оставшуюся от прикосновения его прохладных пальцев.

Маленькая конфета растаяла, но нежный вкус еще долго не сходил с языка.

Ань Чанцин аккуратно завернул промасленную бумагу, убрал её в новый мешочек для благовоний и надежно прикрепил его к поясу. Второй же мешочек он отдал Сяо Чжигэ:

— Матушка и Юй-эр вышили эти мешочки — по одному каждому из нас.

На мешочке были вышиты два резвящихся в воде карпа: золотая и красная рыбки прижимались друг к другу головами, а в правом нижнем углу был выведен иероглиф «Сяо». Сяо Чжигэ перевел взгляд на пояс Ань Чанцина — на мешочке, наполненном кедровыми конфетами, красовался иероглиф «Ань».

Слегка сжав губы, Сяо Чжигэ тоже повесил мешочек себе на пояс.

На следующий день ещё до рассвета Ань Чанцин велел Ань Фу найти маленького попрошайку. Тот поджидал юйши-дафу по дороге во дворец и передал письмо прямо ему в руки. Как потом доложил мальчик, приняв послание, чиновник никак не проявил эмоций и даже не стал ни о чем расспрашивать, а просто продолжил свой путь на утренний прием. Зато когда Ань Фу вернулся с улицы, он рассказал, что слухи о том, как дядя и племянник из поместья маркиза Чжунъюна не поделили молодую вдову, уже разнеслись по всем улочкам и переулкам.

Пересуды ходили не только среди простолюдинов: находчивые сказители уже успели сочинить новые истории и вовсю потчевали ими слушателей, разбрызгивая слюну от усердия. В один миг поместье маркиза Чжунъюна оказалось в самом центре скандала. Насколько безупречной их репутация казалась раньше, настолько же людно теперь было среди тех, кто потешался над ними.

И если уж простой люд смаковал эти сплетни, то что говорить о знатных домах, закоснелых в тайной и явной вражде.

В тот день после завершения утреннего приема маркиз Чжунъюн выглядел мрачнее тучи — лицо его было темнее сажи на дне котла. Ни с кем не заговаривая, он лишь гневно взмахнул рукавами и спешно удалился. Чиновник, находившийся с ним в ладах не лучших, насмешливо фыркнул и шепнул стоявшему рядом юйши-дафу:

— Прежде-то его маска благородия была нарисована на славу, а стоит появиться малейшей трещине — и всё развалится на куски.

Сказав это, он сокрушенно поцокал языком, даже не пытаясь скрыть злорадства.

Юйши-дафу — высокий и худощавый мужчина средних лет — вспомнил полученное утром тайное письмо, и в его глазах блеснул острый огонек:

— Это ещё не конец. Поживём — увидим.

Всего через пару дней поместье маркиза Чжунъюна превратилось в главную тему для разговоров за чашкой чая по всему Ецзину.

Сперва народ обсуждал лишь то, как дядя с племянником не поделили молодую вдову, и все

сокрушались по поводу несчастья, постигшего семью маркиза Чжунъюна: мол, отличную репутацию разрушили двое никчемных шалопаев. Но затем неизвестно от кого и откуда просочились новые слухи:

— Нельзя винить только этих двоих! Старая поговорка гласит: «Каковы корни, таковы и отростки». Если стропила перекосило, неужто балка прямая? Слыхал я... сам маркиз Чжунъюн грешен дальше некуда. Знаете ли вы, что у него была первая законная жена? Народу объявили, будто она скончалась от болезни, а люди сказывают, будто маркиз Чжунъюн забил её до смерти собственными руками!

Слушавшие эту историю горожане ахнули от ужаса и принялись наперебой расспрашивать рассказчика.

А тот, оказавшись в центре внимания, щедро приукрасил слышанное подробностями и выложил всё без остатка.

Когда сплетни дошли до ушей самого маркиза Чжунъюна, история успела измениться до неузнаваемости, но стоило ему услышать лишь фразу «Первая жена была забита маркизом Чжунъюном до смерти», как у него потемнело в глазах.

Столько лет прошло, все улики давным-давно уничтожены, кто мог раскопать эту древность?!

При мысли о суровом, бесстрастном лице юйши-дафу сердце маркиза сжалось от страха. Тогда, после похорон первой жены, семья тестя оборвала с ним все связи. В те времена тесть был всего лишь юйши-чжунчэном, и маркиз, конечно же, ни во что его не ставил. Но теперь...

Чем больше маркиз Чжунъюн размышлял, тем более подозрительным казалось происходящее. Он резко поднялся, сорвал со стены плетъ и устремился к деревянному сараю.

У Лю и У Цзюньшу сидели в деревянном сарае вот уже три или четыре дня.

С того самого дня, как столичный градоначальник вернул их в город и отправил в поместье маркиза Чжунъюна, их заперли здесь. Оторванное матушкой Цянь ухо У Лю лишь кое-как смазали снадобьем и перевязали тряпицей.

Проголодав три-четыре дня, они утратили всякие силы для бранных споров и лишь уныло прижимались к куче дров.

Внезапно раздался оглушительный треск выбиваемой двери, и над ухом прогремел яростный клич маркиза Чжунъюна:

— Встать, никчемные твари!

У Лю и У Цзюньшу вздрогнули и подсознательно повалились на колени. Лицо маркиза Чжунъюна было темнее тучи; он с размаху обрушил плетъ на их спины:

— Всё, что я выстраивал десятилетиями, вы, два дурака, разрушили до основания!

Плетъ полосовала спины, и кожа мгновенно лопалась до мяса.

У Цзюньшу забился в конвульсиях, зубы его отчаянно выбивали дробь. У Лю, обладая более высоким положением в семье, оказался чуть храбрее: он попытался увернуться и заверещал:

— Позови матушку! Я хочу видеть матушку!

Маркиз Чжунъюн мрачно усмехнулся:

— Сегодня тебя не спасет даже матушка!

.....

Выйдя из дровяного сарая, маркиз Чжунъюн дал выплеск сжигавшему его гневу и вновь обрел привычный строгий и степенный вид. Спокойно поправив полы халата, он направился к кабинету. Слуги, шедшие следом, замерли от страха, боясь даже вздохнуть.

— Что с той вдовой?

<http://bllate.org/book/18381/1767640>